

A romantic scene between a man and a woman in traditional Chinese attire, standing in a peach blossom garden. The man is on the left, looking towards the woman on the right. They are both wearing light-colored, possibly white or light blue, robes with intricate patterns. The woman has her hair styled in an elaborate updo with a decorative headpiece. The background is a soft, warm glow of peach blossoms.

*Весна
в
персиковом
саду*

Мира Юнь

Мира Юнь

Весна в персиковом саду

«Автор»

2026

Юнь М.

Весна в персиковом саду / М. Юнь — «Автор», 2026

Ли Вэй скрывает свою истинную сущность и живёт как обычный отшельник в мире людей. Никто вокруг не догадывается, что этот человек — изгнанный лучший лекарь небес. Он думал, что навсегда оставил интриги высших миров позади, но покой рушится в один миг. Глубокой ночью в его хижину пробирается дух кошки. Незваная гостья втягивает бывшего небожителя в опасную игру. Зачем она пришла именно к нему и к какому финалу приведёт эта встреча, способная перевернуть жизнь обоих миров?

© Юнь М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мира Юнь

Весна в персиковом саду

Глава 1.

Долина тысячи весенних дней жила своей особой, изолированной жизнью, подчиняясь лишь законам природы и воле своего единственного хозяина. Её воздух, кристально чистый и неподвижный, казался почти осязаемым — он мягко окутывал горные склоны, бережно запирая внутри барьера ароматы этого скрытого мира. Здесь влажная, резкая свежесть молодого бамбука, с жадной силой пробивающегося сквозь каменистую почву к солнцу, встречалась с прохладным, тяжелым дыханием мокрого гранита. Старые валуны, укрытые плотным слоем бархатного изумрудного мха, источали едва уловимый запах покоя и вечности.

В эту природную тишину тонкими, едва заметными нитями вплетались отголоски далеких северных склонов: легкий предрассветный ветер приносил смолистый, терпкий дух хвойных лесов. Этот аромат не был навязчивым — он плавно тянулся в воздухе, связывая воедино глухой рокот невидимого за скалами водопада и безмолвное ожидание персикового сада, замершего в предчувствии скорого цветения.

В самом сердце этого сада, словно укутанный нежным созерцанием деревьев, стоял дом Ли Вэя. Это было его личное, неприкосновенное святилище, надежно скрытое от посторонних глаз мощными защитными массивами. Веками он жил здесь в абсолютном, звенящем уединении, сознательно не впуская в свою обитель никого из мира смертных и тщательно обрывая любые связи с прошлым. Лишь его единственный друг — один из высших небожителей, чье имя в поднебесной произносили с благоговейным трепетом, — изредка нарушал эту монотонную тишину, заходя на партию в го.

Сам дом казался ожившим произведением искусства, гармонично сплетенным из вековых творений природы и умелых, расчетливых рук мастера. Стены из темного, тщательно отполированного дерева излучали мягкое, живое тепло, а вместо тяжелых окон здесь использовались легкие, изящные раздвижные ширмы из плотной рисовой бумаги. Днем они пропускали внутрь жемчужный, рассеянный свет, а по вечерам, когда зажигались свечи, наполняли комнаты теплым золотым сиянием. Бамбуковый пол и просторные комнаты были выдержаны в спокойных, глубоких природных тонах, подчеркивая безупречный, аскетичный вкус хозяина, не терпящего кричащей роскоши Небесных чертогов.

Особое место в доме Ли Вэя занимала его травница — обитель сокровенной мудрости и изнурительного труда. Здесь в строгом, почти фанатичном порядке хранились драгоценные корни, высушенные соцветия и редкие медицинские компоненты. Полки из тяжелого ясеня склонялись под весом сотен пожелтевших свитков и трактатов, к которым Ли Вэй прикасался с молчаливым, религиозным почтением. Всё в этом доме давно привыкло к его одиночеству, размеренному шагу и строгой внутренней дисциплине, которую не могли пошатнуть никакие внешние бури.

Сейчас тишину травницы нарушал лишь едва уловимый, сухой шелест ворса о бумагу. Ли Вэй не просто занимался каллиграфией — он методично, штрих за штрихом, вытравливал из собственной памяти остатки прежней жизни. Его кисть двигалась по белоснежному листу с безупречной, почти пугающей точностью, оставляя за собой иссиня-черные, влажно поблескивающие следы туши. Иероглифы «спокойствие» ложились на бумагу один за другим, словно тяжелые магические печати, призванные усмирить шторм, бушующий глубоко внутри него.

Только теперь, спустя десять веков после того, как за его спиной с грохотом захлопнулись золотые врата Небесного дворца, он окончательно осознал истинную цену этой тишины. Там,

на небесах, его легендарное хладнокровие было лишь маской — ледяным панцирем лучшего целителя поколения, за которым скрывалось вечное, изнуряющее напряжение чужих интриг и грязных амбиций бессмертных чиновников. Там покой вменялся в обязанность. Здесь же, в тени безмолвного горного хребта, он наконец-то стал его плотью и воздухом.

Ли Вэй замер, глядя на влажный блеск свежей туши. В этом заброшенном месте, насквозь пропитанном запахом сухих трав и одиночества, он впервые за тысячу лет чувствовал себя не жалким изгнанником, а полноценным хозяином собственной судьбы. Он больше не стремился к божественному величию и не скучал по блеску золотых чертогов; тихий, мерный звон водопада за стеной значил для него куда больше, чем все славословия и лицемерные поклоны небесной аристократии. В эту минуту его свобода имела вкус горького чая и прохладного горного воздуха — и он не променял бы её ни на одно сокровище трех миров.

Кончик ворса оставил безупречную точку — завершающий штрих иероглифа. Тушь еще впитывалась в волокна, а в душе мастера наконец-то воцарился зеркальный покой. Он на мгновение прикрыл глаза, вдыхая резковатый аромат свежего письма, и уже приготовился отложить кисть, чтобы перебраться к чайному столику, как вдруг...

Из спальни донесся чуждый, копошащийся шорох, а следом — звонкий, оглушительный грохот разбитого фарфора.

Звук разбивающегося фарфора не просто нарушил тишину — он буквально разорвал её, оставив после себя звенящее, болезненное эхо. Ли Вэй застыл, и его пальцы, удерживающие кисть, на мгновение сжались с такой силой, что бамбуковое основание глухо треснуло.

Это не был случайный шум. Это была гибель последнего подношения его Учителя, сделанного перед его уходом в великое небытие. Единственный осязаемый якорь, удерживавший изгнанника от окончательного ментального забвения в этом глухом мире, только что разлетелся на тысячи безжизненных осколков.

В следующую секунду лицо Ли Вэя превратилось в неподвижную, ледяную маску. От того расслабленного умиротворения, которое он так старательно выводил на бумаге, не осталось и следа. Глаза опасно сузились, превратившись в два разреза темного, штормового агата. Одним резким, отточенным движением он закрепил широкие рукава серебряного ханьфу изящными наручами, полностью освобождая кисти рук, и поднялся из-за стола.

Он не шел — он скользил по бамбуковому полу, словно бесшумная тень хищника, выслеживающего добычу в ночной роще. В его сознании ледяным эхом всплыло старое наставление Чэнь Мо: «Рука, способная исцелить сокрушенное тело, должна быть готова и оборвать дыхание того, кто несет хаос». Потoki Ци в жилах целителя мгновенно подчинились яростной, непреклонной воле. Магические каналы, спавшие веками, раскрылись на полную мощь, заставляя воздух вокруг его ладоней едва заметно дрожать от чудовищной плотности энергии. В нем не было страха или сомнений. Лишь холодная, концентрированная готовность уничтожить любого, кто посмел коснуться его прошлого.

Ли Вэй замер на самом пороге спальни, и эта внезапная остановка заставила полы его одежды тяжело качнуться.

Вместо привычного аромата сандала в нос ударил тяжелый, металлический запах свежей крови, смешанный с едкой, удушливой гарью. Этот запах Ли Вэй не перепутал бы ни с чем в трех мирах. Скверна. Темная, ядовитая энергия из самых глубин демонических земель, способная заживо пожирать не просто плоть, а сами бессмертные души.

В комнате, залитой мягкими, янтарными отблесками догорающих свечей, царил пугающий хаос. Взгляд мастера первым делом метнулся к полу у изножья кровати: там, среди россыпи безжизненных белоснежных осколков, лежало то, что еще минуту назад было его главным сокровищем. Древняя ваза была уничтожена. Однако вспыхнувшая было горечь потери тут же сменилась ледяной бдительностью.

«Кто?» — эта мысль пульсировала в висках, требуя немедленного ответа. Долину тысячи весенних дней окружал многослойный защитный барьер, настроенный исключительно на его собственную Ци. Проникнуть сквозь эту невидимую стену без его прямого веления или ведома было метафизически невозможно даже для верховных владык Небесного дворца. И тем не менее, нарушитель был здесь.

Он медленно, стараясь не издавать ни единого звука, перевел взгляд на цепочку багровых, дымящихся капель, ведущую прямо к его постели. Ли Вэй не шелохнулся, но внутри него пришла в движение скрытая, разрушительная мощь. Он приоткрыл свои духовные каналы, готовый в любой миг нанести превентивный, сокрушительный удар. Каждый его шаг к кровати был бесшумным, лишенным страха, но полным тяжелой, осязаемой решимости.

Он протянул руку и коротким, плавным движением откинул тяжелый шелковый полог. То, что он увидел на белоснежных простынях, заставило его Ци на мгновение замереть в меридианах.

Там, свернувшись в плотный, судорожно подрагивающий клубок, лежал дух кошки. Её некогда густая, пушистая шерсть была безжалостно свалена, испачкана дорожной грязью и запекшейся черной кровью. Но ужаснее всего была рваная, глубокая рана на правом боку: она непрерывно кровоточила, и из неё, подобно извивающимся антрацитовым змеям, лениво сочился густой темный дым скверны. Тьма буквально вгрызалась в живую плоть существа, с шипением растворяя ткани и пытаясь добраться до его духовного ядра, чтобы выжечь его до состояния обугленной золы.

Ли Вэй застыл, не опуская шелковой ткани полога. В его груди боролись два мощных импульса. Первоначальное возмущение от разбитой вазы, ярость от дерзкого вторжения в его частную жизнь и святая брезгливость благородного мужа требовали немедленно уничтожить этот источник заразы, вышвырнув его за пределы долины. Но вид страдающего, умирающего живого существа, чья искра жизни угасала на глазах, мгновенно перевесила эгоизм.

Холодный гнев отступил перед древним, вьёвшимся в подсознание долгом целителя. Он был изгнанником, но в его жилах все еще текла кровь величайшего лекаря Небес.

— Ты принесла в мой дом смерть, — тихим, но глубоким голосом произнес он, обращаясь к бессознательному животному. — Но я не позволяю ей забирать тех, кто переступил мой порог.

Он решительно шагнул вперед, полностью отбрасывая все сомнения и брезгливость. Быстрым, каллиграфически точным движением, отточенным веками практики, Ли Вэй сплел пальцы обеих рук в сложную, многослойную печать исцеления. Воздух в спальне мгновенно завибрировал, теряя свою полуденную духоту, и из его ладоней прямо на раненое тело кошки заструился чистый, ослепительно-золотой поток концентрированной Ци, вступая в яростную схватку с пожирающей её тьмой.

Скверна оказалась слишком плотной. Чёрный дым буквально вьёлся в ткани, и обычные исцеляющие заклинания просто соскальзывали с раны. Ли Вэю пришлось действовать точечно: он увеличил напор золотой Ци до предела, выжигая ядовитый слой за слоем. Очищающий свет с шипением соприкасался с чернотой, заполняя спальню едким паром. Пальцы целителя начало сводить судорогой от непрерывного напряжения, но он не уменьшал давления энергии. Чтобы полностью очистить духовное ядро животного и не сжечь его изнутри, требовалась ювелирная, изматывающая точность.

Лечение затянулось на долгие семь дней. Ли Вэй разбил этот процесс на строгие циклы: каждые несколько часов он вливал в пасть духа по каплям концентрированные эликсиры из запасов травницы, а затем часами удерживал ладонь над раной, помогая истощенному телу усвоить лекарство. Выжигание скверны требовало ювелирной точности — порции очищающей Ци приходилось дозировать, чтобы не выжечь меридианы зверя вместе с ядом. В перерывах, пока снадобья действовали, мастер медитировал прямо у постели, восстанавливая собственное

золотое ядро. На шестые сутки его Ци истощилась до предела, лицо осунулось, а бледная кожа стала казаться почти прозрачной от усталости. Но взгляд оставался холодным и сосредоточенным. Он видел, как черная дымка постепенно бледнеет, а судорожное, рваное дыхание гостью наконец выравнивается.

К концу седьмых суток темная зараза отступила. Она испарилась, оставив после себя лишь легкий запах озона. Пульс кошки стал спокойным и мерным. Глубокие раны на боку полностью затянулись, оставив бледные розовые шрамы под новой, чистой белоснежной шерстью.

Только убедившись, что духовное ядро гостки находится в безопасности, Ли Вэй позволил себе опустить руки. Магическое истощение тяжелым свинцом налило мышцы. Тяжело ступая по бамбуковому полу, он покинул душную комнату и направился во двор, к резной беседке.

Прохлада ночного воздуха немного вернула ему силы. Он опустился на деревянную скамью, дрожащими от предельной усталости пальцами налил себе чай и сделал первый глоток. Горький вкус осел на языке, принося долгожданное успокоение.

В тишине ночного сада, глядя на персиковые деревья, он снова вспомнил о разбитой вазе. Жизнь этого странного существа была спасена. Ли Вэй прекрасно знал: если положить на чашу весов мертвый фарфор и живое сердце, выбор всегда очевиден. Но внутри всё равно глухо ныло. Эта ваза оставалась его последней материальной связью с Мастером Чэнь Мо.

Мысли отшельника невольно ушли в далекое, покрытое пеплом прошлое...

Ли Вэй вспомнил свое человеческое детство. В те годы мир был простым. Его отец — простой солдат, когда-то преданно служивший императору, и мать-целительница оберегали его. Всё закончилось в одну кошмарную ночь, когда демоны из клана Красной Луны огненным вихрем прошли по их мирной деревне.

Мир маленького А-Вэя рухнул в одночасье. Он помнил удушливый дым, крики и то, как остался один на один с жестокостью тех, кто уцелел в той резне. Сироту никто не жалел. Другие дети избивали его в кровь просто за то, что у него больше не было дома.

Он отчетливо помнил тот вечер: он лежал в холодной грязи, сплевывая кровь после очередной драки, готовый сдаться и умереть. Именно тогда над ним внезапно склонился человек в ослепительно-белоснежных одеждах. Мастер Чэнь Мо. Бессмертный заклинатель не стал утешать мальчика. Он просто протянул ему ладонь и произнес слова, которые навсегда изменили судьбу сироты:

— В тебе течет сила, которую ты сам еще не способен осознать. Твое духовное ядро — это великий дар, но без жесткой дисциплины оно станет твоим проклятием. Пойдешь ли ты со мной?

Мастер разглядел в истощенном, избитом ребенке великую Ци, которой совершенно не мешало его простое происхождение. Он забрал Ли Вэя в Небесный дворец, став для него одновременно и строгим отцом, и суровым наставником. Именно там, под его надзором, Ли Вэй постиг сокровенные тайны жизни и смерти, научившись обуздывать внутреннюю ярость и превращать её в чистый, исцеляющий свет. Но теперь Учителя не было, а его последний подарок лежал осколками в спальне.

Ли Вэй еще долго сидел в безмолвии ночной беседки, сжимая ладонями чашу чая, которая давно успела остыть. Он не шевелился, замороженный холодной красотой звездного неба, словно пытался навсегда запечатлеть в памяти этот хрупкий, уходящий покой. Тишина Долины тысячи весенних дней по-прежнему оберегала его, но глубоко внутри изгнанника уже зрело предчувствие неизбежных, штормовых перемен.

Глава 2

Рассвет следующего дня принёс прохладу, но не принёс привычного облегчения.

Когда солнце лениво поднялось над восточными пиками, его первые бледные лучи скользнули по веранде, высушивая ночную росу на досках. Ли Вэй оставил пустую пиалу в беседке и направился в усадьбу.

В травнице, залитой холодным утренним светом, царило запустение. Полки из тяжёлого ясеня, где ещё неделю назад ровными рядами хранились драгоценные корни и редкие лекарственные сборы, теперь заметно опустели. Семь дней изнурительного лечения незваной гостью стоили ему лучших многолетних запасов.

Мастер бросил короткий взгляд на закрытые ширмы спальни. Оттуда не доносилось ни звука. Спасённый дух всё ещё спал, восстанавливая силы после удара скверны.

«Ей нужны воля и простор, а мне — вернуть свой покой», — сухо подумал Ли Вэй. Он не собирался превращать своё святилище в приют. Чтобы восстановить баланс энергии и заполнить пустые ящики, ему требовались свежие травы, росшие на самых отвесных кручах северного хребта.

Ли Вэй надел простое темно-серое ханьфу из плотной ткани, туго затянул пояс и покинул усадьбу.

Горы встретили его обжигающим ветром высот. Он поднимался по каменным выступам с отточенной, вековой грацией. Его руки, крепкие и привычные к тяжелому труду, находили опору там, где обычный смертный увидел бы лишь гладкий, неприступный гранит. Однако сегодня его хваленая концентрация дала сбой. Мысли упрямо возвращались в спамльню, к белоснежному зверю и к той плотной энергии, которую пришлось выжигать.

В погоне за редким корнем дикого имбиря, зажатым в глубокой расщелине, Ли Вэй допустил непростительную оплошность. Нога соскользнула с влажного, укрытого мхом уступа. Пытаясь удержать равновесие, он с силой содрал ладонь об острый край скалы.

Багровая кровь выступила мгновенно, пачкая светлую подкладку рукава. Целитель лишь досадливо сжал челюсти, проигнорировав дёргающую боль. Горы никогда не прощали рассеянности. Он наскоро перевязал ладонь чистым отрезом ткани и, собрав остатки трав, направился обратно к долине.

Мастер вернулся в обитель к полудню. Надеясь занять руки привычным трудом и вернуть пошатнувшееся самообладание, он сразу прошёл в травницу. Но стоило ему разложить на бамбуковом сите первый пучок свежей полыни, как он почувствовал на себе чей-то пристальный, почти осязаемый взгляд.

Ли Вэй медленно поднял голову.

На широком подоконнике, чётко выделяясь на фоне залитого солнцем персикового сада, сидела кошка. Её белоснежная шерсть была безупречно чистой, а янтарные глаза изучали мужчину с пугающим, осознанным вниманием. В этом взоре не было животного страха или дикости — только глубокое, немигающее любопытство.

— Ты проснулась, — сухо обронил он, возвращаясь к сортировке корней. — Можешь остаться здесь ещё на несколько дней, пока окончательно не окрепнешь. Но потом тебе стоит уйти. У меня нет времени на праздное гостеприимство.

Кошка не шелохнулась. Она лишь внимательно посмотрела на его перевязанную руку, коротко вильнула хвостом и, легко спрыгнув с подоконника, мгновенно скрылась в густой зелени сада. Ли Вэй продолжил своё занятие, стараясь убедить себя, что это появление его ничуть не растревожило.

Однако тишина дома, к которой он так стремился, теперь казалась надломленной.

Кошка отсутствовала до самого вечера. Когда солнце окончательно скрылось за пиками, окрасив горы в багряные и медные тона, Ли Вэй невольно прислушался к тишине дома. Вокруг не ощущалось ни шороха, ни вибраций чужой энергии. «Ушла», — подумал он с облегчением. Целитель был уверен, что своенравный дух выбрал свободу, и его привычный мир вернулся в привычное русло.

Мастер устроился за своим массивным столом в травнице, где занялся изучением старинного медицинского трактата. Он перечитывал эти пожелтевшие строки сотни раз, но сейчас вглядывался в штрихи с особым рвением, надеясь отыскать тайное озарение, которое до этого момента ускользало от него.

Внезапно по бамбуковому полу пробежало знакомое, едва уловимое присутствие. Кошка вернулась. Она прокралась абсолютно незаметно и теперь буквально пронзала его своим янтарным взглядом со края стола.

— Ты все-таки пришла, — сухо обронил он, не отрываясь от страницы. — Не мешай мне, я занят.

Ли Вэй старательно игнорировал её, но кошачье внимание буквально скользило по его лицу. Она замороженно изучала его профиль, который в золотистых отблесках заката казался безупречным творением небесного скульптора.

Его красота была редкого, благородного толка — холодного и недостижимого совершенства. Прямой, изящный нос, тонкие, чётко очерченные губы, которые он сейчас чуть поджал в сосредоточении, и волевая линия подбородка. Особого внимания заслуживали его глаза: глубокие, карие, обрамлённые неестественно густыми и длинными ресницами, отбрасывавшими мягкие тени на высокие скулы. Его кожа, бледная и чистая, словно самый дорогой нефрит, казалась почти прозрачной в наступающих сумерках.

Он был одет в многослойное ханьфу цвета бледного серебра. Широкие рукава, закреплённые на запястьях изящными наручами, подчеркивали изящество его кистей, но не могли скрыть силы, таившейся в каждом движении. Высокий воротник, расшитый едва заметным узором, плотно облегал его стройную шею, придавая ему вид гордый и властный. Его длинные темные волосы были собраны в высокий пучок и скреплены серебряным венцом, а несколько свободных прядей небрежно падали на лицо, смягчая строгость облика и добавляя образу притягательную небрежность.

Мастер перелистывал пожелтевшие страницы с таким пристрастием, что мир вокруг перестал для него существовать.

И именно в этот миг, когда Ли Вэй окончательно погрузился в поиск скрытого, прямо на центр открытого трактата, перекрыв самые важные строки, с мягким и влажным звуком приземлилась мёртвая птица.

В ту же секунду вся невозмутимость благородного мужа была сметена волной чистейшего шока. Безупречная маска небожителя дрогнула: Ли Вэй замер, и в его расширившихся карих глазах отразилась смесь глубочайшей брезгливости и растерянности. Он не в силах был подобрать слова для святотатства такого масштаба. Взгляд мастера метался между окровавленной тушкой и бесценными строками трактата, которые теперь были осквернены багровым следом. Бледные щеки целителя мгновенно вспыхнули от небывалого возмущения.

— Прочь! — наконец выдал он, и его голос прозвучал резко и отчетливо. — Убирайся вместе с этой птицей!

Он не стал марать руки. Коротким, быстрым жестом Ли Вэй направил импульс Ци, и всплеск энергии мгновенно вышвырнул добычу далеко за пределы открытого окна. Кошка лишь невозмутимо прищурилась, глядя на его вспышку гнева.

Мастер больше не проронил ни слова. Резким, порывистым движением он захлопнул фолиант и, не удостоив духа даже мимолетным взглядом, стремительно покинул травницу. Его шаги звучали резко, а полы ханьфу взметнулись, когда он скрылся в переходе, освещенном

теплым сиянием резных фонарей. Их мягкий свет дрожал на стенах, провожая разгневанного хозяина вглубь покоев.

Ли Вэй сидел на краю своей постели, укрытой тяжелым темным шелком. В комнате, окутанной ароматом сандала и полумраком, он казался еще более бледным. Медленным, осторожным движением он начал разматывать повязку на ладони, стараясь не тревожить края пореза.

Внезапно по шелку покрывала пробежала едва заметная волна. Белая кошка, словно просочившись сквозь задвинутые ширмы, возникла рядом и уверенным, мягким прыжком заняла место прямо у его колен.

— Что тебе еще нужно от меня? — голос Ли Вэя прозвучал глухо. Он даже не поднял головы, глядя на багровые пятна на ткани в своих руках. — Разве ты недостаточно испытала мое терпение сегодня? Убирайся с моей постели!

В этот миг рана на ладони отозвалась острой, дергающей болью. Ли Вэй не изменился в лице — выдержка не позволяла ему выказывать слабость, — но его пальцы на мгновение судорожно сжались. Игнорируя присутствие духа, он потянулся здоровой рукой к низкому резному столику. Там, среди свитков, ждала маленькая яшмовая баночка с целебной мазью.

Кошка воспользовалась этой секундой его рассеянности. Она бесшумно скользнула по шелку и, прежде чем Ли Вэй успел отстраниться, коснулась его открытой раны своим теплым языком.

Ли Вэй замер, так и не дотянувшись до лекарства. Из горла готов был вырваться резкий взглас, но в следующее мгновение по руке, а затем и по всему телу разлилось странное, глубокое тепло. Пульсирующая боль испарилась, сменившись прохладой горного родника. На глазах у изумленного мастера рваные края кожи поползли навстречу друг другу, срастаясь в тонкую розовую полоску, которая через секунду растворилась без следа, оставив ладонь безупречно гладкой.

Он медленно опустил руку и долго всматривался в чистую кожу, после чего перевел взгляд на гостью. Кошка сидела совсем рядом, и в её немигающем янтарном взоре больше не было насмешки. Это была магия искренней благодарности — чистая, сокровенная сила, которую сам Ли Вэй при всём своём мастерстве не сумел бы применить так стремительно, ведь небесная медицина требовала сложных формул, а здесь действовала первозданная магия самой природы.

Его гнев начал стремительно таять, оставляя после себя лишь растерянность и непривычный трепет в груди. Кошка коротко вильнула хвостом, легко спрыгнула на бамбуковый пол и скрылась за раздвижной ширмой, оставив хозяина в тишине, которая теперь казалась совершенно иной.

Глава 3

Ли Вэй лежал на своей просторной постели из ценного чёрного дерева совершенно неподвижно. Тяжёлые шёлковые полога, расшитые серебряными нитями, были полуспущены, отсекая ложе от остального мира и защищая его хрупкий покой. В бледном свете угасающей луны его тело казалось высеченным из холодного камня. Оно оставалось неизменным, неподвластным тлену и времени — бессмертная плоть, которую он взрастил сквозь века изнурительных духовных практик, не знала земных болезней и старости.

Но нынешняя неподвижность была обманчивой. Под тонкими одеждами из простого серого шёлка судорожно перекачивались тугие узлы мышц. Его неестественно длинные ресницы рвано подрагивали, удерживая под плотно сомкнутыми веками безумие ночных видений. Каждую ночь его бессмертная оболочка превращалась в тюрьму, где заново разыгрывалась трагедия, лишая его покоя даже спустя сотни лет, проведённых в мире смертных.

Кошмар не знал жалости. Он неизменно начинался с тяжёлого, удушливого запаха гари, который въелся в его подсознание глубже, чем любые лекарственные ароматы.

В этом сне Ли Вэй снова становился маленьким, беззащитным ребёнком. Вокруг полыхала его родная человеческая деревня. Огонь с рёвом пожирал соломенные крыши, деревянные балки домов рушились с оглушительным треском, поднимая к чёрному небу тысячи искр. Воздух был пропитан едким, удушливым дымом. Всё было кончено. Клан Красной Луны — жестокие, беспощадные демоны — уже уходил, оставляя за собой лишь пепелище. Маленький Ли Вэй не знал и не понимал, зачем они это сделали, за что вырезали мирных жителей, не пощадив никого. Он просто сидел в темноте, спрятанный матерью в глубокой деревянной бочке на заднем дворе.

Когда глухой топот демонических коней наконец затих вдали, мальчик с трудом выбрался наружу. Его шатало от ужаса. Он вышел на залитую кровью центральную улицу деревни. Кругом лежали мёртвые тела соседей, а посреди этого ада, на сырой земле, лежали его родители. Отец — простой солдат, когда-то преданно служивший императору, чьё оружие сейчас валялось в стороне, — был безжизненным и бледным. Рядом лежала мать. Она ещё дышала. Её пальцы, холодные и слабые, судорожно впились в запястье сына, оставляя грязные разводы на его коже.

— Останься в живых, — её голос хрипел, дыхание прерывалось. — Спаси себя, А-Вэй. Беги.

Её рука соскальзывала, и реальность сна резко менялась. Кровавое пепелище отступало, превращаясь в прекрасный, залитый солнцем сад в Небесных чертогах, куда его позже забрал учитель. Здесь, среди вечно цветущих деревьев, он познакомился с девочкой. Им было весело и хорошо вместе, они росли бок о бок, и их детская привязанность незаметно превращалась в глубокую любовь. Ли Вэй плавно толкал деревянные качели, любясь тем, как она взлетает к небу, превращаясь с каждым взлётом в прекрасную девушку. Он чувствовал к ней невероятную нежность, но её лица разглядеть не мог — оно оставалось размытым в золотистом мареве.

Радостный смех обрывался внезапно. Солнце гасло, девушка поворачивалась к нему, и Ли Вэй с ужасом видел её руки, по локоть покрытые густой, тёмной кровью.

Видение разбивалось, и небо над головой раскололось, уступая место Верховному Небесному Суду. Оглушительный бой ритуальных барабанов заставлял содрогнуться всю вселенную, и фиолетовые карающие молнии одна за другой обрушивались на его темя, заживо выжигая меридианы и плавя золотое ядро.

Ли Вэй резко подскочил в постели, вырывая из груди задушенный, хриплый крик.

На улице было еще совсем темно. Плотный предрассветный туман заглядывал сквозь щели ставен, принося с собой прохладу бамбуковой рощи. Всё его тело горело и ныло так,

словно он только что испытал эту боль от небесного наказания наяву. Небесный Суд лишил его прежнего величия, выжег меридианы и расплавил золотое ядро, но за века затворничества он смог по крупицам восстановить остатки разрушенных каналов. И всё же фантомные ожоги каждую ночь возвращались с пугающей точностью.

Ли Вэй медленно поднялся, надел простое темно-серое ханьфу из плотной ткани, соответствующее его мрачным мыслям, и туго затянул пояс.

«Эти сны никогда не прекратятся», — глухо подумал он, выходя из покоев на резное деревянное крыльцо, чтобы вдохнуть сырой ночной воздух. Комната душила его. Он поднял глаза к небу и замер.

Кошки в доме не было. Она сидела высоко на ветке старой сливы, росшей прямо у крыльца. Её белоснежная шерсть тускло светилась в предрассветной мгле, а золотые глаза смотрели на Ли Вэя сверху вниз без малейшего страха. Животное сидело неподвижно, словно ждало его.

Сотни лет затворничества среди людей приучили Ли Вэя к абсолютному одиночеству, но не излечили разум. Чтобы занять себя делом и отвлечься от тяжелых мыслей, он решил начать свой день. Ли Вэй спустился во двор. Вокруг царил сонная тишина, нарушаемая лишь редким шелестом бамбуковых листьев.

Весь его день превратился в монотонный, затяжной труд. Перед Ли Вэем стояли широкие бамбуковые сита и тяжелая ступка из темного камня. Он сел на низкую циновку и принялся методично перебирать сушеные травы, отделяя качественные листья полыни от трухи. Движения его длинных пальцев были точными, автоматическими — сказывались века тренировок. Ли Вэй взял пестик и принялся растирать в порошок жесткие корни дикого имбиря. Нагнетался глухой, мерный стук. По двору медленно разливался резкий, пряный аромат лекарственных сборов. Постепенно сырая дымка начала таять, и первые робкие лучи солнца окрасили верхушки бамбука в бледный золотистый цвет. Ли Вэй работал без остановки час за часом, пока солнце не поднялось в самый зенит, высушивая росу на досках веранды.

В час Лошади, когда солнце достигло зенита, кошка бесшумно спустилась с дерева и подошла ближе. Она уселась на верхнюю ступеньку, наблюдая за движением его рук. Ли Вэй вспомнил своего учителя.

Чэнь Мо часто говорил, что истинный мастер видит суть вещей, а не их внешнюю оболочку. Ли Вэй отложил тяжелый каменный пестик. На его ладони, где еще вчера была рана, не осталось даже следа. Магия этой кошки была слишком странной, глубокой и чужеродной. Он, проживший сотни лет на Небесах, никогда не чувствовал такой плотной, первозданной энергии. Небесная медицина требовала сложных формул, а здесь действовала первозданная магия самой природы.

Ли Вэй поднялся с циновки, стряхнул с серого ханьфу остатки полынной трухи и направился в глубь усадьбы. Он решил, что про нее нужно разузнать больше.

Двери его личной библиотеки открылись со скрипом, впуская внутрь запах старого пергамента и сухих чернил. Ли Вэй часами копался в древних свитках, бамбуковых хрониках и запретных трактатах о редких духовных зверях, которые собирал веками. Его длинные пальцы методично разворачивали хрупкую рисовую бумагу. Он искал хоть одно упоминание о белых кошачьих духах со столь сильной Ци, способной выжигать скверну. Но всё было тщетно. Книги молчали, словно такой магии никогда не существовало.

Ли Вэй устало выдохнул и аккуратно свернул последнюю рукопись. От долгого чтения при тусклом свете масляной лампы карие глаза неприятно жгло, а в висках зарождалась тупая боль. Кошачий дух сидел в его доме, а он до сих пор не знал даже её имени.

Он закрыл массивный ящик резного шкафа и направился обратно в жилые покои. Однако стоило ему переступить порог, как он замер.

Кошка опять улеглась на его кровати. Она свернулась клубком прямо на чистых простынях из глубокого индиго и лениво приоткрыла один золотой глаз, когда он вошел.

Ли Вэй нахмурился. Делить свою постель с животным он не собирался.

— Уходи прочь, — холодно приказал он, указывая на дверь.

Своенравный дух недовольно фыркнул, неторопливо поднялся и, гордо задрав хвост, покинул комнату. Ли Вэй тут же захлопнул створки и закрыл тяжелый деревянный засов. Чтобы полностью обезопасить свой покой, он резко вскинул руку: кончики его пальцев начертили в воздухе сияющую гексаграмму, и вокруг спальни соткался мощный барьер из чистой Ци. Сквозь эту ледяную стену не сумел бы прорваться ни один высший демон. Удовлетворенный работой, целитель лег на постель, закрыл глаза и приготовился к новой ночи.

Но кошка оказалась хитрее его защитных чар. Пока Ли Вэй спал, она подошла к запертой двери с наружной стороны. Её древняя, неизученная энергия мягко окутала дерево. Существо смогло как-то беспрепятственно проникнуть сквозь его мощный барьер, даже не всколыхнув потоки воздуха. Она легко вспрыгнула на матрас и легла подле него с правого бока, уткнувшись носом в его запястье — точно в точку Цунь-коу.

Он очнулся от сна на исходе часа Лошади следующего дня, когда его рука случайно коснулась её теплой пушистой морды. Ли Вэй подскочил в кровати от неожиданности. От этого порывистого движения кошка мгновенно пробудилась, спрыгнула на пол и метнулась к открывающимся створкам веранды.

— Чертовка! Как ты проникла сюда?! — в гневе прокричал он ей вслед.

Он тут же бросился за ней, желая поймать нарушительницу, но, выбежав из комнаты, замер. На дворе уже стоял полдень. Яркие солнечные лучи заливали бамбуковый сад, полностью высушив утреннюю росу.

В ту же секунду к нему пришло ошеломляющее осознание: сегодня ночью он впервые за сотни лет не увидел кошмаров. В его голове не гремели ритуальные барабаны Суда, а перед глазами не стояли пепелище деревни и окровавленные руки из сна. Разум был чист, а в теле не ощущалось привычной изнуряющей боли от фантомных ожогов. Волна ночного тепла от кошачьего носа у его запястья защитила его до самого рассвета. Эта бестия одним своим прикосновением заблокировала ментальную скверну.

Ли Вэй стоял на крыльце в полном недоумении. Сердце всё еще ускоряло ритм, но уже не от страха, а от осознания случившегося чуда.

«Кто же ты такая?» — напряженно думал он, не сводя карих глаз с белой шерсти.

Кошка, совершенно забыв о его присутствии и недавнем крике, беззаботно устроилась посреди двора. Она лениво потянулась, уселась на прогретые солнцем камни и принялась умыть лапкой мордочку. В её золотых глазах больше не было мистической глубины — сейчас это был просто сытый, упрямый зверь, ломающий все законы бессмертных. Ли Вэй продолжал молча смотреть на неё, пытаясь осмыслить то, что произошло этой ночью.

Глава 4

Ли Вэй продолжал стоять на деревянном крыльце усадьбы. Воздух Долины тысячи весенних дней, раскалённый полуденным зноем часа Лошади, стоял неподвижно. Плотный, сухой жар застревал в лёгких, смешиваясь с горьким ароматом прогретой бамбуковой рощи. Пальцы целителя напряжённо сжимали лакированные перила веранды. Дерево, нагретое солнцем, глухо поскрипывало, принимая на себя избыток хаотичной энергии, которую мастер никак не мог обуздать.

Взгляд его карих глаз оставался намертво пригвождён к белому существу посреди двора. Зверь устроился на мощёной площадке, выложенной тяжёлыми плитами серого гранита, которые сейчас буквально дышали жаром под прямыми лучами зенита. В этом ярком, беспощадном свете её шерсть казалась ослепительно белой, матовой, начисто лишённой естественного живого блеска. Нарушительница покоя вела себя подчеркнуто обыденно: лениво вытянула передние лапы, глубоко, с едва слышным горловым звуком потянулась, когтями царапая твёрдый камень, а затем принялась методично, круговыми движениями умыть морду. В её полуприкрытых янтарных глазах больше не было того пугающего, человеческого расчета, который мастер зафиксировал прошлым вечером в травнице. Сейчас перед ним сидел сытый, упрямый зверь, который посреди белого дня вальяжно раскинулся на солнцепёке и в упор не замечал тяжёлого замешательства хозяина дома.

Но Ли Вэй невозможно было обмануть этой напускной простотой. В его голове, полностью очищённой от привычного ночного кошмара, звенящими ударами пульсировал единственный вопрос: как она это сделала?

Защитный контур, развернутый вокруг его спальни перед сном, не был обычной бытовой ворожкой. Это была ледяная, многослойная стена из чистейшей Ци, структура которой создавалась по канонам высших стражей Небесного Суда. Сквозь такой заслон не мог просочиться ни один сильный демон, ни один лазутчик, даже если бы они использовали скрывающие амулеты старых кланов. Воздушные потоки в комнате за всю ночь не колыхнулись ни разу. Магические замки на тяжёлых створках дверей не выдали ни единой вибрации. И тем не менее, проснувшись в самый разгар дня, он обнаружил зверя на своей постели. Существо просочилось сквозь плетение его Ци так, словно этой защиты никогда не существовало, либо её собственная энергия находилась в идеальном, абсолютном резонансе с меридианами самого Ли Вэй.

Прагматичный разум лекаря быстро подавил минутное замешательство. Вышвырнуть этот странный дух за пределы защитного барьера Долины прямо сейчас, поддавшись гордости, было бы верхом тактической глупости. Ли Вэй привык платить за всё полную цену и сейчас четко осознавал масштаб полученной выгоды. Впервые за долгие столетия изгнания его пробуждение было чистым. Золотое ядро находилось в состоянии зеркального покоя, а энергия текла по каналам ровно, без затыков и внезапных возмущений.

Этот неопознанный дух одним своим присутствием, коснувшись носом точки Цунь-коу на его запястье, заблокировал ментальную скверну. Она сделала то, с чем не могли справиться лучшие успокоительные сборы и редчайшие коренья, годами копившиеся на полках его травницы.

«Ты останешься здесь, — жёстко зафиксировал он мысль в сознании, провожая глазами белое пятно во дворе. — По крайней мере, до тех пор, пока я лично не препарировать твою природу и не пойму, какой именно ключ ты подобрала к моим меридианам. Пока ты находишься на виду, под моим прямым надзором, твои действия предсказуемы».

Ли Вэй сделал глубокий вдох, заставляя горячий полуденный воздух остудить виски. В памяти отчетливо всплыли рваные раны на боку животного, которые он выжигал своей энер-

гией. Скверна такой плотности не могла зародиться в глухих лесах человеческого мира. Это был целенаправленный, профессиональный удар, призванный полностью уничтожить духовную основу существа. Преследователи, которые загнали зверя и оставили его умирать в таком состоянии, обладали сокрушительной, безжалостной силой.

Ли Вэй не знал и не стремился узнать их имена — в мире бессмертных знание чужих тайн слишком быстро превращалось в смертный приговор. Для него, как для лекаря, важен был лишь сам факт: за этим существом шла охота высочайшего уровня. Выставить её за пределы защитного контура Долины означало либо обречь на мгновенное уничтожение, либо, что куда опаснее, позволить ищейкам наткнуться на след его собственного тайного убежища. Присутствие сильного, но контролируемого духа под рукой давало передышку. Она останется здесь. Под его прямым надзором, внутри границ, которые веками не пропускали чужаков.

Очертив в уме этот план, Ли Вэй покинул веранду и вернулся в дом, твердо намереваясь навести порядок. Оставляя животное на своем ложе из ценного черного дерева он не собирався. Мастер лично соорудил для гостьи изолированную лежанку в самом дальнем углу просторной спальни. Он использовал каркас из жесткого тростника и несколько слоев тяжелых шелковых отрезков глубокого индиго. Никаких излишеств — только сухая, строгая функциональность. Границы личного пространства были очерчены заново, жестко и бескомпромиссно. Дисциплина бессмертного отшельника должна восторжествовать.

Но у зверя были собственные представления о порядке в этом доме.

Упрямство гостьи быстро переросло в затяжную, изнурительную войну за территорию. Каркас из тростника в углу спальни оставался нетронутым — нарушительница покоя демонстративно игнорировала шелковые отрезки, предпочитая хозяйничать на его постели.

Каждое утро превращалось для целителя в планомерное уничтожение остатков его вековой выдержки. Время сна, ставшее безмятежным благодаря её присутствию, неизменно заканчивалось тяжелым пробуждением. Зверь усаживался плотным, увесистым комком прямо на грудную клетку мужчины, точно над его духовным центром. Белая шерсть лезла в лицо, а тяжесть чужого тела перекрывала дыхание, заставляя целителя делать судорожные вдохи через силу. Стоило Ли Вэю в раздражении сбросить наглую гостью на бамбуковый пол, как на следующий рассвет сценарий менялся с пугающей точностью. Он открывал глаза и обнаруживал, что его лицо полностью погребено под густым ворсом белого хвоста, а сама кошка вальяжно раскинулась на соседней подушке, заблокировав ему всякий обзор.

Грозные приказы и попытки укрепить внутренние затворы спальни предсказуемо разбивались о глухое кошачье безразличие. Наглый хищник ломал любые правила уединения, которые мастер выстраивал веками.

На десятые сутки эта шаткая система контроля рухнула окончательно.

Ли Вэй пришёл в себя на исходе часа Кролика. Бумажные ставни ещё удерживали серый предрассветный полумрак, а воздух в комнате сохранял леденящую ночную прохладу ранней весны. Сон целителя в эту ночь был глубоким, безмятежным и сладким — ментальная скверна отступила, не оставив после себя удушливого пепла.

Мастер медленно, сквозь остатки сонной неги, пошевелил правой рукой. Он ожидал наткнуться пальцами на привычный жесткий ворс белого зверя, но его ладонь скользнула по чему-то совершенно иному. Под подушечками пальцев оказалась безупречно гладкая, ровная и горячая кожа.

Ли Вэй открыл глаза. Остатки сна мгновенно испарились.

В сером, полуживом сумраке ложа, вплотную к его груди, спала молодая женщина. Наглая гостья устроилась на постели с абсолютным, естественным бесстыдством дикого существа, не знающего человеческих приличий: её длинная нога уверенно перекрывала его бедра, удерживая бессмертного в ловушке, а тонкая рука плотно лежала на его левом плече, прижимая к матрасу. Она обнимала его так крепко и доверчиво, словно имела на это полное право.

Взгляд целителя, скованный секундным оцепенением, против воли прошёл по незнакомке. Линия изящных ключиц, крутой изгиб обнажённого плеча и матовая белизна кожи, на которой блёклыми розовыми нитями выделялись шрамы от недавних глубоких ранений. Длинные, спутанные пряди волос цвета свежего снега разметались по его подушке, частично скрывая её лицо. Она дышала ровно, уткнувшись носом в изгиб его шеи, и этот горячий выдох обжигал кожу мужчины, заставляя меридианы его Ци судорожно сжиматься от непривычного тепла.

В ту же секунду вся вековая выдержка благородного мужа испарилась, уступив место дикому, оглушительному смущению. Ли Вэй судорожно вдохнул, и его сердце, до этого бившее мерно и спокойно, пустилось вскачь, отдаваясь гулкими ударами в ушах.

Не в силах больше выносить эту интимную близость, он инстинктивно и резко отпрянул назад. Мужчина буквально соскочил со своего ложа, с глухим стуком приземлившись ногами на жёсткий бамбуковый пол. Ли Вэй мгновенно отвернулся к противоположной стене, напрочь отказавшись смотреть в сторону кровати, хотя спиной всё ещё чувствовал волну девичьего тепла. Бледные, обычно холодные, как нефрит, щёки целителя вмиг залила краска густого, яростного и стыдливого румянца. Ему казалось, что этот жар сейчас сожжёт его меридианы изнутри.

На кровати послышался мягкий шорох потревоженного шёлка. Деревянный каркас тихо заскрипел: девушка сладко, с тихим вздохом потянулась и неторопливо поднялась, усаживаясь посреди сбитых простыней.

— Бесстыжая... — глухо выплюнул Ли Вэй в пустоту перед собой, крепко зажмурившись, чтобы случайно не поймать её отражение в начищенных медных деталях интерьера.

Пытаясь хоть как-то вернуть контроль над ситуацией и собственной паникой, он быстрым, резким жестом руки подхватил с резной ширмы своё верхнее темно-серое ханьфу из плотной ткани. Не оборачиваясь, Ли Вэй наощупь, одним порывистым движением набросил его на поднимающуюся незнакомку, стремясь как можно скорее спрятать её наготу под тяжёлым шёлком.

Как только ткань укрыла гостью, целитель, не дожидаясь ни звука, ни движения в ответ, рванул на себя створки дверей. В одном нижнем одеянии он буквально вылетел во двор, стремясь уйти как можно дальше от этого безумия и позволить сырому ночному воздуху остудить его пылающее лицо.

Рассветное солнце только касалось верхушек бамбука, но Ли Вэй знал: его привычному уединению

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.